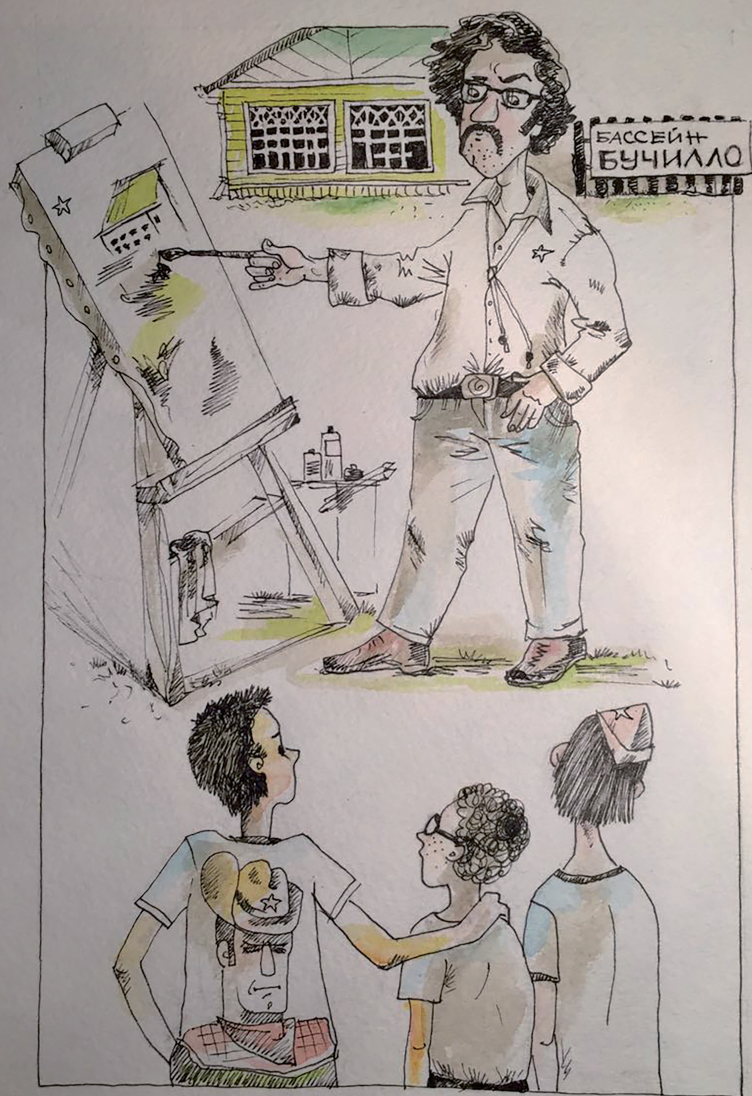

ПРИЕЗЖАЙ, ХОТЬ НА ЧАСОК!

Что не говорите, а почувствовать себя взрослым – это здорово! И мы это почувствовали с моим товарищем по парте Сережкой, отработав лето в «Звездочке», кто вожатым, кто кружководом. Энергия пионерского лета, наполнявшая нас ежесекундно, растрачивалась с той же скоростью, забирая наш сон, наши силы физические и моральные. Бессмысленно говорить: «Я сегодня спал два часа... Или три часа...» Обычное дело, когда вожатый в киноконцертном зале во время демонстрации фильма ненароком всхрапнет – к этому все привыкли.

В лагере можно жить только вместе с лагерем, а он никогда не спит! Сначала не спят дети. Потом не спят вожатые. Потом, когда, казалось бы, все утомились, не спят сторож, его собака и птицы, приветствующие рассвет.

Иной раз, вырвавшись в Москву по делам, приедешь с продуктовой машиной рано утром – «Здравствуй, мама!» Примешь душ, покушаешь и спать. А в 16 часов подъем, легкая пробежка по магазинам и на Белорусский вокзал, что б к ужину успеть в лагерь! И в тамбуре электрички расслабишься, слушая, как какой-нибудь новоявленный меломан с разбитым кассетным магнитофоном «Электроника» гоняет по кругу новый шлягер Пугачевой «Приезжай, хоть на денек!»

Ну, похоже, я начинаю повторяться, поэтому к делу.

Окончания летней оздоровительной кампании ждали все. И не только ждали, но и готовились.

Пионеры ждали последней ночи, что бы завершить свои разборки, учинить мелкие безобразия. Те, что уже постарше - сказать последние слова на ночной дискотеке, попробовать сбежать ночью на аллею любви, если вожатые не поймают.

Вожатые паковали чемоданы и дописывали вожатские журналы, почетные грамоты и считали спортивный и походный инвентарь для сдачи физруку.

Сестра хозяйка подводила баланс своим простыням, пододеяльникам, наволочкам и полотенцам.

А на кухне составляли праздничное меню торжественного банкета, готовили бройлеров и индоуток к церемонии заклания и ощипывания. Даже натрафареченый знак «Адидас» и гордый номер «6» на крыльях бройлера не спасли героя зооуголка от уготованной роли жареной дичи.

С пионерского сада-огорода были сняты последние огурцы, помидоры, листья салата и прочая снедь, оставшаяся на грядках.

И вот утро закрытия лагеря.

Казалось бы, все как обычно, и детвора снует с постельным бельем. Кто-то тащит из кружка подаренные мягкие игрушки. Стайки девчонок бегают по вожатым, собирая автографы на отрядную фотографию.

Какой-то неумеха-новичок решил стрельнуть зубной пастой из тюбика, но был замечен и снабжен тряпкой для оттирания не только следов на стене корпуса, но и собственных брюк.

Была в этом какая-то непривычная суэта, густо замешанная на ожидании предстоящего расставания. Все улыбались, но отводили глаза. Смеялись, но как-то напряженно. Обменивались адресами и те-

лефонами, и при этом хлюпали носами и комкали в кармане мокрые носовые платки.

Все ждали. Ждали последний в этом лете горн, последнее построение на линейку. Последний спуск флага и торжественный вынос знамени дружины.

Немного затянутая процедура линейки с ее рапортами, вручением наград, почетных грамот и слов начальника лагеря не напрягала, поскольку за ней оставались лишь обед, да автобусы, увозящие в Москву. А еще слезы, обнимания и обещания вернуться на следующее лето. «Приезжай, хоть на денек!» - словно нашептывали раскачивающиеся верхушки елок на линейке.

Деревянные корпуса с пустыми глазницами окон, с которых сняли шторы, смотрели растеряно и печально на эту суету.

Вожатые проводят детей до Москвы.

- Дети! Спокуха на лице – впереди родители! Улыбочка, и вперед на мины! – скамандует симпатичная белокурая вожатая, управляя отрядом беспределщиков-чебурашек, словно стайка байбаков ровно сидящих на сиденьях автобуса. Напрасно папы и мамы будут прыгать вокруг автобусов, заглядывать в окна, стучать костяшками пальцев, стараясь привлечь внимание любимого чада. Все это напрасно!

Отряд – это вам не по двору носиться! Отряд – это дисциплина! Но как только она выйдет из автобуса и увидит сигнал старшего вожатого, лишь одного движения, одного слова, да даже одного взгляда будет достаточно, что бы эта гремучая смесь под названием «чебурашки», чинно и степенно, не торопясь покинули автобус, разрываемые руками обожающих их родителей.

Как всегда, кто-то из родителей опоздает, и вожатый будет стоять с брошенным ребенком, ожидая

минуты, когда появится, размахивая руками, в разлетающемся в стороны плаще счастливая мамаша. И будет вежливо ждать, пока отпустят зацелованного и затисканного ребенка, а потом, внезапно изменив тон, словно вспомнив что-то чрезвычайно важное, начнут выпытывать у него, нашел ли он потерянные резиновые сапоги.

И лишь, когда вся буря родительских чувств, восторгов и вопросов прольется на землю как недавний дождь, и найдется время сказать вожатой: «Здравствуйте!», - лишь тогда, немного смягчив строгий вожатский взгляд, девушка в пионерском галстуке скажет: « Ну, ладно, Ливеренко, давай маму слушай! На следующий год увидимся!», - и пойдет пружинящей походкой богини к группе остальных вожатых.

А вожатые... А что вожатые? Они зайдут в маленький автобус, собранный на базе горьковского ГАЗа, и, вместе с представителями профкома и других авторитетных людей Института, поедут обратно в лагерь таскать кровати, консервировать корпуса на зиму, убирать и приводить в порядок территорию.

Но это будет позднее, а сначала будет банкет! Громкое завершение летней оздоровительной кампании!

Не пьянка, не шабаш, не разгуляй, а именно банкет – немного грустный, поскольку без детей в лагере ничего не делалось, а их-то как раз и не будет!

И дело совсем не в том, что за накрытыми в столовой столами, уставленными буквой «П», где в центре заботливыми руками художника сооружена настоящая клумба с цветами с пионерской линейки, выложенными рядами в экзотическую композицию, в первый и последний раз за все лето соберутся вместе работники хоздвора, вожатые, прочий персонал, и, конечно же, представители руководства и профсоюзного комитета Института.

Конечно же, будут тосты, будут речи, будут и другие выступления, но все равно, легкий минор эха покинувшей лагерь ребятни будет добавлять каждому слову, каждой ноте, каждому вздоху легкий оттенок грусти.

На стене столовой повесили декорацию лесной поляны со сломанным деревом из концерта вожатых. Разноцветные лампы елочной гирлянды, укрепленные прямо на картине, вспыхивали попеременно, каждый раз освещая ее в новом ракурсе, отчего создавалось впечатление живого леса.

На импровизированной сцене стояли микрофонные стойки, музыкальные инструменты, а по бокам стояли башни звуковых колонок вокально-инструментального ансамбля.

Не успели еще стихнуть гудки автобусов с пионерами, а по лагерю покатила операция «Хрусталь». Специальная группа оставшихся для подготовки банкета вожатых и работников хоздвора провела рейд по корпусам и вдоль забора по прилегающим кустам. В результате собранная стеклянная посуда самого различного применения была строго рассортирована, приведена в соответствующий вид и упакована в мешки и рюкзаки.

- Что ребята в рюкзаках? – смеялся шофер Игорь – Дзинь, бум, блям! Мыло, рубашка, полотенце!

Набив санитарку собранной тарой, трое вожатых и водитель рванули в Дорохово на станцию.

В те годы в Польше было беспокойно. Общественное движение «Солидарность» мутило воду. Страна тонула в беспорядках. Как следствие этого возникли перебои с продовольствием. Советский Союз посылал братской Польше эшелоны с продуктами – сливочным маслом, мясом, мукой. Что бы как-то рассчи-

таться с Россией, власти Польши обратно посылали яблочную водку странного вкуса и желтого, непривычного русскому человеку, цвета. Ее то все лето и продавали в магазине на станции.

- Ладно, водки и вина закупили! Но хочется чего-нибудь вкусенького! – размечтались мужики, подсчитывая остатки от сданной посуды - Может, пиво разливного возьмем? А что, для ассортимента!

Пивной ларек у станции всегда был полон. Заняв очередь, мужики спохватились – а наливать-то во что?

- Что б вы без меня делали! – довольно хмыкнул Игорек, - доставая алюминиевую кастрюлю с двумя здоровенными ручками литров на тридцать.

- Вам сколько? - спросила гарная продавщица, строго глядя из под бровей.

- Да нам литров 20 или 25!- весело отозвались мужики, пододвигая кастрюлю.

- Вы бы еще ванную притаранили! У меня мерной емкости нет, только кружки! – буркнула продавщица, - В кружках брать будете?

- Да хоть в майонезных банках! – хохотнули вожатые.

- Тогда двигайте вашу тару! – и она открыла кран, из которого холодный, наполненный мелкими пузырьками углекислого газа янтарный напиток полился в кружку.

- Требуйте долива после отстоя пены! – вспомнил вслух вожатый.

Моментально кран был перекрыт, а две наполненные до краев пенистой жидкостью запотевшие кружки отставлены на прилавок.

По очереди прокатился недовольный ропот. Перспективы глотнуть холодного пивка таяли как опадающая пена над кружкой.

- И чо? Мы все вот тут будем ждать, когда пиво отстоится, чтобы ету ендову налить? – возник из ниоткуда мужичок в голубой грязной майке и плохо повыдерганной бородой – шотландкой – Ты тут нам всем острый нож меж лопаток етим самым вгоняешь! Ты видишь, народ томится! Трубы горят! Или нет? Тебе что, несчастных случаев на работе надо?

- Что орешь! Я что, даром что ли пиво буду отпускать? – отбрыкивалась продавщица.

- Зачем даром? Сказали тебе, 25 литров. Вот и наливай сразу в кастрюлю. И задержки никакой, и людям приятно! – поддержали человека в майке еще несколько постояльцев из очереди. Среди присутствующих нарастало недовольство, послышался ропот и резкие выражения.

- Ладно, – смиростивилась продавщица – Под ваше честное слово наливаю! – и она открыла кран.

Упругая пивная струя ударила в дно кастрюли. Очередь ахнула от восторга.

Решено было везти кастрюлю на весу, что б не расплескать на колдобинах священный напиток, однако, как ни корячились мужички, так не получалось. Ну, кто не знает российские дороги – три загиба на версту! Да еще выбоина на выбоине...

Но все же, кастрюля практически полная была доставлена и торжественно упрятана в гарманжу на кухне.

- Пойти, что ли штаны выжать – пивка попить! – хохотнули вожатые, глядя друг на друга. Настроение было отличное, да и дело хорошее сделано для общества.

- Мужики, а дайте пивка холодненького хлебнуть! – подвернулся рабочий кухни Толик – Такой денек жаркий, а тут прямо с доставкой!

- Ты чего? Это ж народу на вечер! Вечером получишь, сколько захочешь! На всех хватит! – словно стражи на посту ощетинились вожатые.

Напрасно подходили с аналогичными просьбами повара и поварихи, напрасно делали заходы друзья-вожатые. Железобетон! Раньше думай о Родине, а потом о себе! – железный принцип был всем понятен, но как же в жаркий день хотелось пива!

Володя Волков, в простонародье Вося, был руководителем ансамбля, профессиональным музыкантом с гнесинским образованием, которого в лагере пригласили поработать директором клуба. Его друзья – музыканты приезжали на выходные, и тогда в клубе ревел «Deer Purple» в творческом переложении молодого коллектива. «Child In Time», «Soldgers Of Fortune», «Smoke On The Water» и другие композиции звучали как их оригиналы. Разнообразили репертуарчик песенки Стаса Намина, Самоцветов, Александра Градского. Обладая луженой глоткой, Вося запросто перепевал Яна Гилмора, да и Гарри Глитера мог подвинуть по продолжительности удер-жания высоких нот, взятых фальцетом.

Еще Вося играл на бас-гитаре, голубой полуакустике с белыми, разбегающимися веером стрелами.

- Разин, а если сюда еще бустер поставить, то это будет совсем «фирма»? – спрашивал он компетентного барабанщика.

Барабанщик Володька Разин, как самый заслуженный член коллектива, работавший еще с «Отражением» и «Падением вверх», вел в лагере радиокружок. Но в свободное время он с удовольствием молотил по своим барабанам. Наверное, он сам не знал, что ему более интересно – играть на барабанах или паять схемы. Все, что его касалось, мгновенно

начинало пахнуть канифолью, искрить и перемигиваться лампочками. Вообще, он в своем деле был कुдесник. Всю аппаратуру он изготовил практически своими руками – от стоек и колонок до усилителей и обработки звука. Последним творением был звуко-режиссерский пульт с ползунками громкости, атаки и панорамы. В планах был такой же пульт, но уже для управления светом. А пока, спаянный, но совершенно нагой, без намека на какой-нибудь корпус, пульт, отсвечивая своими дюралевыми панелями и уголками, стоял перед сценой на столике, от которого как щупальца осьминога разбегались провода.

Живший за стенкой в клубе художник говорил:

- Вы играйте, ребята, играйте! Только вот дайте мне часок передыху, Денис должен поспать! А вот Барсик может на скрипочке поиграть! Скрипочка успокаивает.

Рокочущая сцена мгновенно превращалась в самый тихий уголок лагеря. Мирный договор художника и «Легионеров», как их называли в лагере, оберегавший сон и здоровье пионеров, соблюдался неукоснительно. И только Виктор, почему-то прозванный Барсиком, то ли за свою курчавую шевелюру, то ли потому, что Барсиком звали кота в его квартире, брал в руки скрипку и наигрывал свою партию из песенки «Старый рояль», словно колыбельную для маленького Дениса Федосеева.

Бабушка Барсика, прима-скрипка театра кукол Образцова, музыкант старой школы, мечтала, что два ее внука станут музыкантами. Один решительно разрушил ее планы, променяв занятия в музыкальной школе на тренировки в качалке. Второй же, Витенька, послушался бабушку и усердно и прилежно посещал занятия по скрипке.

Однажды, придя в гости, бабушка слушала, как ее

внучек гоняет гаммы, двигая вперед-назад смычком.

- Витенька, знаешь ли ты, чем отличается настоящий музыкант от уличного? Настоящий музыкант берет только нужные ноты, а уличный, какие сможет! – наставляла внучка бабушка.

- Я понял, бабуль! – вежливо отозвался Барсик, - А знаешь ли ты, бабушка, чем отличается скрипка от контрабаса? – в свою очередь спросил мальчик.

- Ну, как же ты не знаешь? У контрабаса совершенно другой диапазон, другое назначение в оркестре... - начала было отвечать бабушка.

- Нет, - прервал ее внук, - Контрабас дольше горит!

Обычно Барсик не любил рассказывать эту историю, поскольку старушке пришлось вызывать скорую помощь, а он бабушку любил. Но среди своих, эта семейная притча имела огромный успех. А Барсик, неизменно брал в руки скрипку и с удовольствием вставлял свои сольные пассажи в музыкальные композиции ансамбля. Однако в последнее время его все больше привлекала работа со светом и звуком.

Еще приезжали два друга Андрюша и Валера. Оба интеллигентного вида и какие-то утонченные эстеты. Оба солировали в ансамбле – Андрей на гитаре, за что и прозывался «Блэкмор» (как лидер гитарист «Deer Purple»), а Валерка на советском электрооргане «Лель», нашем ответе буржуазному органу «Хаммонд».

К своему удивлению, ребята обнаружили, что играть песенки для концертов вожатых на свою музыку и стихи ничуть не менее интересно, чем мировые шлягеры и советский бодрячок на танцах. Более того, здесь было больше возможностей для личного вклада, для творчества. И они оттопырились!

Вося поправлял провода, ребята настраивали инструменты. На подиуме, покрытом ковром, стояла

ударная установка, под которой за красными пупырчатыми панелями (тары от персиков) бегали и перемигивались огоньки. Разин с Барсиком настраивали звук и свет.

Сегодня в качестве музыкальной программы предстояло озвучивать арии персонажей вожатских спектаклей – Черта, Волосатого Уха, Власоглава, Кикимор, Водяного, Лешего, Директора ЦРУ. Хотелось показать все свои возможности, и ребята старались!

А все началось с двух отморозков – Гени и Жени, которые сначала начали музыкальные шаржи на вожатых писать, или как их назвал старший вожатый – «опусы». А потом уж пошло-поехало! Да так поехало, что сначала, зацепив старожилов: Типу, Мамонта, Федосини, Парамоню - быстро перебрались к среднеслужащему составу: Толмачини, Инкин, Пачуня. «Молодняк» шел уже на автомате: Плавручка Инна, Вовка Тищенко -футболист, Юрзин и далее без разбора.

Кто его знает, чем руководствовались эти два гаврика, засиживаясь в авиаракетном кружке далеко за полночь, но почти каждый день вечером после отбоя они выдавали новый перл, выходя с суровыми мордами и гитарой. А когда скрючившийся от хохота вожатский народ просил повторить все опусы сначала, не кобенясь начинали сначала, строго разбивая их по ранжиру – «Ветераны», «Старослужащие», «На площадке молодняка».

- Евгений! – обращаясь к Геннадию начал старший вожатый, - Вы бы лучше что-нибудь к концерту вожатых наваяли! Какие-нибудь арии сказочных персонажей, что ли!

- Угу, - крутя ус и поправляя оправу очков, оценил инициативу начальства хмурый Геннадий.

- Геннадий, ну а ты, что молчишь? Сколько у нас былей-небылиц про лагерь! Вон Сnižко из роты Мамонта целый рассказ про Волосатое Ухо написал! – продолжал старшой, обращаясь к Евгению, - Что, не интересно что ли народный пионерский эпос обрабатывать, так сказать, применить на практике в дело?

- Угу, - крутя что-то на гитаре, буркнул Евгений.

И вот, к закрытию лагеря появился сценарий спектакля, в котором участвовала вся обнаруженная на территории лагеря «нечисть».

Местом ее дислокации был объявлен дуб у волейбольной площадки. Он же являлся резиденцией застрельщика всего этого безобразия – Черта. Встал вопрос: А откуда же берется вся лесная нечисть? По болотам, да буеракам что ли прячется? Так наши «орелики» проползали, пробегали, пролазали все кусты, овраги и укромные места в округе трех километров вокруг! А старшие, так те вообще в поход за 10-15 километров как на прогулку маршировали каждую смену!

Этот деликатный вопрос был решен достаточно изящно. Мол, вожатые только днем белые, да пушистые! А ночью преобразаются в леших, домовых, да всяких власоглазов, прости Господи! Вот и тешатся, вот и глумятся над лагерным народом – то горячую воду в душевой отключат, то в бассейн гадость какую запустят, а то подслушают ночные пионерские разговоры, да и вложат застрельщиков вожатым – надо ж где-то контингент для водно-половых игр брать - веранду мыть!

Короче, наворопятили Женя с Геней невесть чего, да и поставили это все на сцене. А легионеры все это еще и озвучили своими электрогитарами, электроорганами и барабанами с тяжелым африканским колоритом.

Каждый вожатый считал своим долгом привнести в спектакль вообще и в личный образ своего персонажа в частности, какую ни то индивидуальность. Кто костюм в кружке «Мягкая игрушка» невиданный замастырит, кто песенку себе напишет – все вложили свою лепту в вожатский концерт!

Надо сказать, что фильмы Хичкока для детей пизель «Звездочка» так себе, тьфу – мелкое хулиганство! Такие сказки рассказывали только новички. Фреди Крюгер был бы замучен «чебурашками» уже на третьей минуте! А монстр с «Техасской бензопилой» был бы подловлен на игре «Сижу!» и все лето бы занимался заготовкой дров для пионерских костров и организацией походов!

Но вот когда в заполненный до предела зал ККЗ «Лесная тишина» вошел со своей арией Власоглав в костюме дракона – дети младших отрядов потеряли от страха голос и не могли выразить свой ужас. Впоследствии, ночью, правда все вышло звонкой струей в цинковое ведро и стоило вожатым бессонной ночи, но это было незабываемо как для детей, так и для вожатых!

- Мама, - спрашивал библиотекаря Наталью маленький сынишка Денис, - А ты, правда не превратишься ночью в кикимору и не унесешь меня в болото? Правда-правда? А в Москве тоже не превратишься? – не успокаивался мальчуган, перед тем как заснуть, - Эх, жаль! Вот бы тебя ребятам в детском саду показать, они бы точно описались, - и малыш мирно засыпал, прикрывшись одеялом.

- Саша, - спрашивали в другой палате вожатого младшие пионеры после отбоя, - А ты точно не Однорукий? Ты нас не будешь в цемент замуровывать как мальчика с горном и девочку с голубем?

И лишь получив отрицательный ответ, дети потихоньку засыпали.

А этой ночью, все арии лесной нечисти предстояло пропеть прежде всего самим себе, хоздвору, гостям из Москвы.

Пришедший из Москвы автобус привез вожатых обратно в «Звездочку». Чтобы не рассусоливать долго, было дано полчаса на приведение себя в порядок и назначено время начала банкета.

После вступительного слова начальника лагеря и поднятого тоста за окончание летней оздоровительной кампании, к микрофону вышел физрук Володя Парамошин, открыл блокнотик и начал написанный им монолог уставшего вожатого: «Строимся, строимся, строимся! Кто спросил по сколько? Кто ответил – по рублю? Какие развитые дети!»

Мощный звук колонок придал негромкому голосу физрука реальность и объем концертного зала, добавил обертонов и проникновенности. Даже Алле Пугачевой было бы не стыдно спеть в такой аппарат свой хит «Приезжай, хоть на денек!»

Нас с Серегой дела задержали в Москве, так что с банкетом мы пролетели, словно Лялины катапульты над футбольным полем. Но нас это не расстроило, а даже напротив, мобилизовало.

Выйдя утром следующего дня из стоящих рядом домов, мы закупили ящик пива и еще сумку напитков погорячей, и направились на вокзал.

Знакомый лес на станции «Садовая» принял нас весело, помахивая ветками с уже осеннею листвой. Несмотря на нелегкую ношу, мы бодро преодолели Минку.

- Слышь, Серега? Похоже, в «Дружбе» оттягиваются! Вон как музыка орет! – произнес я, немного по-

вернув голову и прислушиваясь к звукам, витающим по проселку меж величественных елей.

- Ага, это нас зовут! «Приезжай, хоть на часок!» - поддакнул Сергей, - Едем, едем уже!

И мы бодрее зашагали по дороге.

Однако пионерский лагерь «Дружба» мы миновали, а на лесной дороге все также витало: «Приезжай, хоть на денек!»

По нашим расчетам песня должна была бы уже закончиться, но с какой-то фатальной неотвратимостью, когда уже все пропало, и в личной трагедии певицы была поставлена точка, рука судьбы снова заводила свою пиленную пластинку, не отпуская певицу из своих объятий.

Чем ближе мы приближались к лагерю, тем громче и отчетливее доносилась музыка. И снова, уже в двадцать пятый раз все начиналось сначала: «Приезжай, хоть на денек!»

Знакомой дорогой в обход главного входа мы почти бегом преодолели заросли за бассейном, переправились по бревну через речку Капаньку и вылезли из дырки в заборе у кинобудки.

Над лагерем стоял рев. Алла Борисовна неистовствовала. Ну, как же ей было плохо, как же она переживала, как молила судьбу: «Приезжай, хоть на часок!»

Время приближалось к полудню, а в лагере следов жизни не прослеживалось. Выйдя со стороны бассейна к гримерным ККЗ «Лесная тишина», мы стали свидетелями следующей картины.

Перед ступенями клуба стоял стол из столовки, на котором громоздилась внушительных размеров акустическая колонка с раструбом посередине для лучшей передачи средних звуковых частот. Рядом с ней перемигивался лампочками усилитель, обалдеть

какой мощности. Индикаторы на нем зашкаливали и не хотели падать до нормального уровня. И эта махина выдавала миру нетленный голос любимой певицы, воспроизводимый стареньким проигрывателем «Аккорд», на котором скакала и горбатилась пластинка фирмы грамзаписи «Мелодия».

На стуле с дермантиновым сиденьем и погнутыми металлическим ножками, сидел вожатый. Точнее, он лежал на столе, уткнувшись головой в раструб колонки, извергавший звуковое цунами, слышное от Минки, т.е. за сорок минут хорошего хода до нашего лагеря.

И как только тонаром проигрывателя, поддерживающий иголку, съезжал на нейтральную полосу после закончившейся песни, голова покидала раструб колонки, нетвердая рука отводила иглу на начало, и все повторялось сызнова.

Лицо вожатого то ли в сомнамбуле, то ли во сне источало неземное блаженство. Крупные слезы катились по щекам, тронутым утренней щетиной и полуденным румянцем.

Усилитель надо было спасать! Зеленые индикаторы на нем уже не скакали, а просто зависли в верхнем положении. Колонка ревела как американский «Фантом» на взлете.

- Доброе утро, Леш, - сказал я, убирая громкость до ноля и прикидывая, где выключатель электропитания.

В наступившей внезапно тишине звук моего голоса прозвучал нереально тихо, но отчетливо. Стал слышен звук качающихся деревьев, ветерка в ветвях. Вернулись щебет и пенье птиц.

- А, Джексон! – протяжно составляя слова из слогов, произнес вожатый, - А мы тут музыку слушаем! Ведь как поет: «Приезжай, - говорит, -хоть на часок!»

- Леш, пива хошь? – сказал Серега в рифму, доставая бутылку «Жигулевского» из рюкзака.

- А есть? – не веря в чудо, медленно водя глазами в направлении наших тел, произнес вожатый, и, получив вожаденный напиток, захлебнулся глубоким глотком. Было видно, что последствия бурной ночи еще гудят в его голове, превратившись в единственную фразу, вместившую в себя весь его сегодняшний мир: «Приезжай, хоть на часок!»

- Спасибо, ребята, - оторвавшись от бутылки и вздохнув воздуха, произнес воскресший человек, - Вот вы молодцы! А то вчера купили в Дорохово пива, и нет, что бы его выпить, так оставили в гарманже до вечера. А какое к вечеру пиво, если его привезли в кастрюле? Выдохлось! Даже самые отъявленные любители вроде электрика Фукса пробовали, но пить так и не смогли! Пробовали добавлять бензин, но Вася все равно отказался.

Из клуба появились музыканты.

- Фиолет! – сказал Валера, щурясь на солнце.

- Пиво! – воскликнул Блэкмор, глядя как вожатый отпивает из горлышка.

Из своего трюма показался художник. Открыв дверь и выставив на ступени босые ноги в кедах с мятыми задниками, он попросил пива и теперь потягивал не торопясь тягучую пузырящуюся жидкость, возвращаясь к жизни.

Команда разрасталась. Со стороны третьего корпуса размашистой походкой подошел старший вожатый, посетовав, что уже почти обед, а народ еще не встал. Зыркнув глубоким темным глазом, он взял бутылку и тоже жадно отхлебнул.

Над лагерем воцарилась тишина. Стрекотали стрекозы над футбольным полем. Проносась над водной гладью «Бучиллы» барражировали слепни.

Шумел лес. Природа отдыхала и одновременно прощалась с этим веселым временем детского галдежа, вожатских команд, спортивных страстей и первых признаний в любви.

- А спорим я из стойки на руках выпью стакан водки и спою «Приезжай, хоть на денек!» - неожиданно произнес художник.

Достаточно грузный художник Федосини мог гармонично смотреться где угодно и как угодно. Хоть малюя декорации босиком и в драных трениках. Хоть в белой рубашке с бабочкой, черных отутюженных брюках и лаковых штиблетах в качестве бармена. Хоть в свитере с эмблемой «Динамо» в воротах на футбольном поле! Но вот ногами вверх, да еще в стойке на руках! Это было уже почти нереально!

- Чушь! – выдохнул старший вожатый, - Это бред, навеянный излишками пищи и возлияний! Ты, Сердзь, на себя – то посмотри! Ну, как ты на руки – то встанешь? Это не твое! Прости, не твое! Представляю Елену Николаевну, созерцающую нарисованную тобой картину! Конечно, твоя рука как моя нога, но удержать в такой позе могучее тело? – и он снова отпил живительного напитка.

- Не верите? А что, Джон, не слабо вам с Сергеем меня за ноги вверх тормашками поставить к стенке «Мягкой игрушки»? – повышая градус разговора, нагнетал художник. Поднявшись на ступенях, он подошел к стенке и убрал из травы камешки, чтобы не впились в ладони.

Выполнив нехитрые манипуляции, он встал к собравшейся компании задом и нагнулся.

«Бей ответом прямо в цель!» - вспомнилась нетленная картинка конского крупа и подпись к ней в кружке выжигания.

- Ну, долго вы там? Сколько мне еще стоять? На-

чинайте! – раздался откуда-то снизу его сдавленный суровыми мускулами живота голос.

У настоящего мужчины все, что от подбородка до колен – все грудь! Сейчас эта грудь сползла, нависнув над рваными, испачканными краской трениками, словно лавина, готовая сорваться с горной кручи. Мы рванулись поднимать художника за ноги. Работенка оказалась не из простых. Натужно крикая, мы со всей силы старались поставить ноги художника в вертикальное положение. Из-под наших ног доносилось его побряхтывание и сопенье. Очнувшаяся и вконец проснувшаяся публика дружно ржала, наблюдая за происходящим.

- Предлагаю тотализатор! Ставлю свое пиво, что он не выпьет водку в таком положении! - начал провоцировать народ Никита, подошедший недавно и внимательно пытавшийся разобраться, а что именно тут происходит?

- Отвечаю висками «Фо розез»! – отозвался его напарник Пачуня.

Страсти разгорались, а мы все еще не вывели ноги художника в исходное положение. Пот со лба катился беспрестанно. Смех душил и не давал дышать. Художник сопел и фыркал, «грудь» грозила оторваться, а ноги все еще были в горизонтальном положении. Что-то не давало им подняться.

- Не могу больше! – взмолился Федосини, - Вы чего там, поднять не можете? Не такой уж я и тяжелый!

Последняя фраза добавила смеха. Народ ржал как подрезанный!

- Ладно, пять минут отдых и пойдем на вторую попытку! Где мое пиво? – и Федосини вернулся на свои ступени.

Мой приятель тоже решил встать к стенке вверх

ногами и попросил меня подстраховать. Вот где была собака зарыта! Смеясь и балагурия, мы не замечали, как поднимали ноги художника до своих подмышек, куда они и упирались! Похоже, что и Серега это понял, поскольку быстренько вернулся в нормальное положение и с независимым видом показывал, что он лично готов к продолжению эксперимента.

Второй замес был удачным. В исходное положение мы вывели Федосини за одно движение.

- Неси водку, Джон! Лей в горло! – пыхтел он, упираясь руками в землю.

Серега налил стакан и потихонечку начал лить в горло художника.

Громко фыркая, тот пытался проглотить жидкость, которая не хотела литься вверх, норовя попасть в ноздри и сорвать такой сложный и неординарный эксперимент. Тем более, что на финал были сделаны ставки!

- Переверни, переверни его! Ты вверх лей! – сопел художник, седуя на стакан и его строптивое наполнение, - Она мне в нос течет!

Но не прост был наш художник! Как-то ловко извернувшись, он таки сумел отхлебнуть изрядную порцию напитка, чем вызвал аплодисменты зрителей.

- А теперь песня! – объявил он, сбрасывая капли жидкости с песнярских усов, но все еще находясь в стойке на руках.

Наверное, это единственный раз, когда вожатые видели, как поет их художник!

- Приезжай, хоть на денек! – донесся сдавленный голос из-под могучего тела, после чего вся композиция рухнула.

С окрестных елок вспорхнули птицы. Белка, пробежавшая по железным воротам бассейна, поспешно

прыгнула на ель и убежала подальше от беды. Дятел на дереве поперхнулся своим красным беретом.

И только лес грустно шумел, вспоминая такой недавний детский галдеж, который не может заменить самая развеселая компания взрослых. И в его листьях, его шорохе, звуке треснувших сучков слышалось: «Приезжай, хоть на денек!»